

Л. В. Коковина

ЛЕКСИКА С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ
В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»
(переводческий аспект)

На материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» и двух ее англоязычных переводов, выполненных Д. Хогартом и Р. Магуайром, рассмотрены лексические единицы с национально-культурным компонентом, входящие в состав тематических групп «Одежда», «Транспорт», «Еда», с точки зрения адекватности передачи их значений на английский язык. Путем сравнительного анализа авторских лексем и представленных в переводных текстах поэмы их английских эквивалентов установлены критерии наиболее адекватных и семантически мотивированных английских соответствий лексемам оригинала.

Using the poem "Dead souls" by N. V. Gogol and its two English translations made by D. J. Hogarth and R. A. Maguire, the author considers lexical units having a cultural component and belonging to the following semantic fields – Clothes, Transport and Food. The lexical units selected are examined from the point of view of their translation into English in the target texts. By means of a comparative analysis of the source and the target texts, the author establishes a set of criteria for the identification of the most adequate and semantically motivated English equivalents to the original lexemes.

Ключевые слова: лексема, тематическая группа, национально-культурный компонент значения, перевод, адекватность, эквивалент.

Keywords: lexeme, theme group, national-cultural component of the word meaning, translation, adequacy, equivalent.

В настоящее время в связи с ускорением глобализации и расширением межкультурных контактов значительно вырос интерес исследователей к проблемам взаимодействия языка и культуры. «Как важнейшее хранилище коллективного опыта, — отмечает В. И. Карасик, — язык является составной частью культуры» [2, с. 87]. Помимо чисто понятийной информации слово содержит и другие ее виды, в частности национально-культурную, соответственно возникает вопрос о ее передаче в процессе перевода текстов, в первую очередь художественных. По справедливому суждению М. Снелл-Хорнби, «если язык является неотъемлемой частью культуры, то переводчику необходимы знания не только двух языков, но и двух культур, другими словами, он должен быть не только билингвальным, но и бикультурным»¹ [5, р. 42]. С. Баснет сравнивает перевод с «идеальной “лабораторией” для изучения межкультурного взаимодействия» [4, р. 19].

¹ Здесь и далее перевод на русский язык наш. — Л.К.

Данную точку зрения разделяют и отечественные исследователи. Так, по мнению Т. А. Казаковой, перевод, особенно художественный, предполагает «творческое преобразование литературного подлинника не только в соответствии с литературными нормами, но и с использованием всех необходимых выразительных возможностей переводящего языка, сопровождаемого культурологически оправданной трансформацией литературных особенностей оригинала и той эмоционально-эстетической информации, которая присуща подлиннику как вторичной знаковой системе» [1, с. 10], а Р. Р. Чайковский характеризует художественный перевод как особую форму движения «от языка к языку, от этноса к этносу, от культуры к культуре» [3, с. 30].

Цель данной статьи — проанализировать некоторые способы перевода русской лексики с национально-культурным компонентом на английский язык. Материалом для исследования послужила поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» и два ее перевода на английский язык, выполненные Д. Хогартом (далее в тексте — первый перевод) и Р. Магуайром (далее в тексте — второй перевод). Наш выбор обусловлен тем фактом, что перевод Д. Хогарта является одним из первых (1915 г.), а перевод Р. Магуайра — последний из существующих (2004 г.), и представляется перспективным рассматривать варианты перевода, существенно отстоящие друг от друга в историческом времени.

Анализ проводился на примере восьми лексем с национально-культурным компонентом, относящихся к семантическим полям «Одежда», «Транспорт» и «Еда». Предваряя нижеследующий анализ, следует отметить, что многие лексемы, не являющиеся по своей этимологии исконно русскими, ассимилировались в русском языке настолько, что воспринимаются как национально-культурные концепты и уже стали неотъемлемой частью русской национальной картины мира.

Лексемы, входящие в тематическую группу «Одежда», играют в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» существенную роль, поскольку выступают в качестве выразительного средства создания образа, раскрывая определенные личностные черты литературного героя. Ср.: «Чемодан внесли кучер Селифан, низенький человек в *тулупчике*, и лакей Петрушка, малый лет тридцати, в просторном подержанном *сюртуке*, как видно с барского плеча...» [11, с. 316] — «The bearers of the same were the gentleman's coachman, Selifan (a little man in a large *overcoat*), and the gentleman's valet Petrushka — the latter a fellow of about thirty, clad in a worn, over-ample *jacket* which formerly had graced his master's shoulders...» [12, p. 6]; «The travelling bag was brought in by the coachman Selifan, a diminutive individual in a skimpy *sheepskin coat*, and by the manservant Petrushka, a fellow of thirty or so, in a roomy, well-worn *frock-coat*, obviously of his master's back...» [13, p. 6].

Согласно словарным данным, «*Тулуп* — длинная, обычно не крытая сукном меховая шуба без перехвата с высоким воротником». «*Тулупчик* — «уменьш. от тулуп; короткий маленький тулуп» [7, т. 4, с. 424]. «*Сюртук* — мужская верхняя двубортная одежда в талию с длинными полями» [7, т. 4, с. 328]. Селифан носит тулупчик (простая крестьянская одежда),

Петрушка — сюртук (элемент повседневной одежды среднего и высшего классов). Для Селифана главное — чтобы было тепло, поскольку он кучер, а Петрушка пытается угнаться за господами, одеваться по моде. Характеристике образа Селифана способствует и употребление уменьшительных суффиксов *-еньк* (низенький) и *-чик* (тулупчик).

В первом переводе вариантным соответствием лексемы *тулупчик* выступает лексема *overcoat* «теплое тяжелое пальто, которое надевают на другую одежду и носят в холодную погоду» [9, р. 1111]. В данном варианте есть сема «теплая одежда», но не акцентируется внимание на существенном семантическом признаке тулука — высоком воротнике; другими словами, прослеживается семантический сдвиг в сторону признака «теплый».

Во втором переводе подобрано более близкое по смыслу вариантное соответствие *sheepskin coat* «пальто из выделанной путем дубления овечьей шкуры» [9, р. 1424], хотя также замечен некоторый сдвиг в сторону признака «теплый».

В качестве вариантного соответствия лексемы *сюртук* в первом переводе используется лексема *jacket* «короткая верхняя одежда с рукавами и застежкой спереди» [9, р. 823], что соответствует русскому *куртка*, *пиджак*. Признаки *мужская*, *двубортная*, *длинные поля* отсутствуют. Во втором переводе используется лексема *frock-coat* «мужская однобортная или двубортная одежда длиной до колен, такую одежду носили в XIX в.» [9, р. 618]. Данная лексема имеет в своем значении больше совпадающих семантических признаков с русской лексемой *сюртук*, нежели лексема *jacket*.

Следует отметить, что в первом переводе для лексемы *сюртук* предлагается и вариант *tailcoat* «мужской пиджак черного цвета, с вырезанными спереди полями и длинными узкими фалдами, который является частью парадного вечернего костюма» [9, р. 1570], что соответствует в русском языке лексеме *фрак*. В контексте русской культуры трудно представить себе трактирного слугу во фраке, то есть в этом переводе наблюдается не просто семантический сдвиг, но и явное нарушение смысла интенционала. Ср.: «Трактирный слуга... весь длинный и в длинном демикотонном *сюртуке*...» [11, с. 315] — «waiter... his lanky form clad in a *tailcoat*...» [12, р. 6]; «...a long individual in a long fustian *frock-coat*...» [13, р. 60].

На голове герои Гоголя носят *картуз*. Ср.: «Молодой человек оборотился назад, посмотрел *экипаж*, придержал рукою *картуз*, чуть не слетевший от ветра, и пошел своей дорогой» [11, с. 315] — «The young man turned his head as he passed the *britchka* and eyed it attentively; after which he clapped his hand to his *cap* (which was in the danger of being removed) and resumed his way» [12, р. 5]; «The young man turned round, looked at the *vehicle*, clapped a hand to his *cap*, which had already been blown off by the wind, and went his way» [13, р. 5].

Картуз — «мужской головной убор с козырьком» [7, т. 2, с. 36]. Английская лексема *cap* имеет гораздо более широкий спектр значений: «кепка», «фуражка», «колпак», «чепец» и т.д. [6, т. 1, с. 240], то есть ан-

глийский читатель вправе выбрать любое из этих значений, но, справедливости ради, надо признать, что это единственно возможный эквивалент лексемы *картуз*, поэтому выбор соответствия у обоих переводчиков совпадает.

В вышеприведенном примере встречается и интересующая нас лексема *экипаж* — «общее название рессорных повозок» [7, т. 4, с. 478]. Интересным представляется тот факт, что первый переводчик использовал вариант *britchka*, как и для перевода непосредственно лексемы *бричка*. Также в переводе Хогарта для передачи значения лексемы *экипаж* встречаются еще два варианта: *vehicle* «любое устройство, как правило, оборудованное колесами, в котором можно перевозить людей или различные предметы» [9, р. 1700] и *equipage* «элегантная карета, запряженная лошадьми и сопровождаемая ливрейными лакеями» [9, р. 525]. Ср.: «Когда *экипаж* въехал во двор...» [11, с. 315] — «On the *vehicle* reaching the inn door...» (I, 5). Ср.: «...два русские мужика... сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к *экипажу*» [11, с. 315] — «a couple of peasants... exchanged a few comments with reference to the *equipage*» [12, р. 5]. Лексема *equipage* лишь частично по своему интенционалу совпадает с русской лексемой *экипаж*, а на коннотативном уровне расхождения более существенные: *equipage* предполагает что-то более изысканное богатое, поэтому вариант *vehicle* представляется наиболее релевантным в данном контексте. Именно этот вариант постоянно употребляется во втором переводе. Ср.: «When the *vehicle* entered the courtyard...» [13, р. 5]; «two Russian muzhiks... made a few remarks, which, however, had more to do with the *vehicle* ...» [13, р. 5].

Бричка — «легкая повозка, иногда с откидным верхом» [7, т. 1, с. 116]. Ср.: «В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая *бричка*, в какой ездят холостяки» [11, с. 315] — «To the door of an inn in the provincial town of N. there drew up a smart *britcka* — a light spring-carriage of the sort affected by bachelors» [12, р. 5]; «Through the gate of a hostelry in a provincial capital that will remain nameless rolled a small rather handsome *britska* on spings, of the kind in which bachelors travel» [13, р. 5]. Как мы уже отмечали выше, в первом переводе ей соответствует лексема *britchka*. Переводчик использует курсив, чтобы обратить внимание читателя, на тот факт, что эта лексема является словом-реалией, существующим в русском языке и имеющим ярко выраженную национальную окраску. Также переводчик расширяет контекст исходного предложения, поясняя, что *britchka* — a light spring-carriage «легкая рессорная повозка». Необходимо добавить, что написание лексемы в виде *britchka* в английских словарях отсутствует, то есть его можно рассматривать как своего рода неологизм переводчика. В английских словарях есть написание *britska* или *brizka* «длинная запряженная лошадьми повозка со складывающимся верхом и местом для кучера» [9, р. 202]. Это вариантное соответствие русской лексемы *бричка* репрезентировано во втором переводе. Таким образом, в данном контексте оба перевода можно рассматривать как адекватные оригиналу.

Обывательские лошади (или подводды) — «устар. нанимаемые у обывателей (постоянные жители какой-либо местности) или предоставляемые ими в качестве повинности для каких-либо перевозок» [7, т. 2, с. 581]. Ср.: «Ведь я на обывательских приехал» [11, с. 361] — «Actually, I have had to do the journey back with *stage horses*» [12, p. 58]; «I've even had to hire horses to get back» [13, p. 68]. В первом переводе словосочетание *обывательские лошади* передается сочетанием *stage horses* — буквально «станционные лошади», также данное соответствие можно рассматривать как метонимический перенос лексемы *stage-coach* «повозка, запряженная лошадьми, используемая в прошлом для перевозки людей и писем» [9, p. 1502]. Второй переводчик использовал прием компенсационной трансформации: введение глагола *hire* (нанимать), что рассматривается как адекватная замена.

Среди лексем, составляющих тематическую группу «Еда», следует выделить исконно русскую лексему *щи*. *Щи* — «жидкое кушанье рода супа из капусты, щавеля или шпината. *Кислые щи* в старину: род шипучего кваса, приготовлявшегося из пшеничного и ячменного солода, пшеничной и гречневой муки, дрожжей и квасной гущи» [8, с. 1118]. Следует заметить, что главный герой поэмы Гоголя Чичиков употреблял оба вида этих щей. Ср.: «Покамест ему подавались разные обычные в трактирах блюда, как-то: *щи со слоеным пирожком...*» [11, с. 317]; «День, кажется, был заключен порцией холодной телятины, бутылкою *кислых щей* и крепким сном» [11, с. 319]. Различие значений номинаций *щи* и *кислые щи* отразилось и в переводе. Оба переводчика использовали для лексемы *щи* закреплённую в словарях номинацию *cabbage soup*, буквально *суп из капусты*. Относительно словосочетания *кислые щи* можно дать следующий комментарий: в первом переводе используется словосочетание *a bottle of pickles* (бутылка с рассолом). *Pickle* — «рассол, уксус для маринада» [10], во втором переводе употребляется более адекватное соответствие, опирающееся на этимологию русской лексемы, а именно — *sparkling kvass* (шипучий квас). Ср.: «...and whilst the various dishes were being got ready — *cabbage soup, a pie several weeks old*» [12, p. 7]; «...and brought the day to a close with a portion of cold veal, *a bottle of pickles*, and a sound sleep» [12, p. 10]. «While he was being served the various dishes that are usual for inns, such as *cabbage soup with puff-pastry...*» [13, p. 8]; «His day, it seems, was concluded with a portion of cold veal, *a bottle of sparkling kvass* and a sound sleep» [13, p. 11].

Вышеприведенный пример содержит и другое представляющее для нас интерес словосочетание — *слоеный пирожок*. В первом переводе данного словосочетания используется вариант *pie* (изделие из теста с начинкой из фруктов, овощей или мяса) [10]. В восприятии англоговорящих читателей *pie* выглядит как кулинарное изделие большого размера и ближе по значению к русскому слову *пирог*, который, прежде чем съесть, нужно порезать на кусочки, в то время как для русскоязычного читателя *пирожок* — это не уменьшенная копия *пирога*, а несколько другой продукт, хотя и маленький по размерам, то есть в русском языке

пирог и *пирожок* — это по-разному воспринимаемые кулинарные изделия. Прилагательное *слоеный* в первом переводе опускается. Во втором переводе для обозначения словосочетания *слоеный пирожок* используется номинация *puff pastry* (буквально — слоеное тесто); английская лексема *puff* имеет также значение: «слойка обычно круглой или треугольной формы» [10]. Таким образом, второй вариант перевода мы можем рассматривать как более адекватное оригиналу соответствие, поскольку в толкованиях русской и английской лексем имеется важная общая часть — ‘небольшое кулинарное изделие из слоеного теста’.

Суммируя данные проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что вариантные соответствия, представленные в первом переводе, не отражают в полной мере национально-культурную информацию, содержащуюся в русских лексемах и словосочетаниях. В первом переводе при передаче значений русских лексем с национально-культурным компонентом допускаются неоправданные семантические трансформации, в отдельных случаях нарушается смысл интенционала, переводчик постоянно меняет тактики перевода, лексика с национально-культурным компонентом теряет свою окрашенность. Национально-культурная картина мира, складывающаяся у английского читателя, оказывается в значительной степени искаженной. Во втором переводе автор внимательно и скрупулезно подходит к выбору эквивалентов и соответствий и пытается максимально сохранить национально-культурный компонент, присущий русским лексемам и словосочетаниям. Более того, второй перевод поэмы содержит переводческий комментарий и глоссарий, объясняющий наиболее сложные для понимания англоязычного читателя реалии русской культуры. Это свидетельствует о том, что в начале XX в. многие переводчики видели свою задачу только в более-менее адекватной передаче понятийного содержания оригинального текста. В настоящее время переводчики ставят перед собой задачу максимально точно передать и реалии, присущие национальной культуре.

Список литературы

1. Казакова Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб., 2006.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
3. Чайковский Р. Р. Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации: (основы теории). М., 2014.
4. Bassnet S. Culture and Translation // A Companion to Translation Studies. Clevedon ; Buffalo ; Toronto, 2007. P. 13–23.
5. Snell-Hornby M. The Turns of Translation. L., 2006.
6. Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. М., 2002.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.
8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008.
9. Collins English Dictionary. L., 1995.
10. ABBYY Lingvo x 5 : [электрон. словарь]. URL: https://www.abbyy.com/ru-ru/support/lingvox5_sr/ (дата обращения: 30.12.2018).

Источники

11. Гоголь Н. Повести. Пьесы. Мертвые души. М., 1975.
12. Gogol N. Dead Souls / transl. by D.J. Hogarth. N. Y., 2003.
13. Gogol N. Dead Souls / transl. by R. A. Maguire. L., 2004.

Об авторе

Лариса Викторовна Коковина — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: larisa.kokovina@mail.ru

The author

Dr Larisa V. Kokovina, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: larisa.kokovina@mail.ru